

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель
и правовед

Часть вторая

Опубликовано:
Журнал «Законодательство»
2017. № 12. С. 79-85.
2018. № 1. С. 87-94. № 2. С. 87-94. № 3. С. 87-94.

1

Назначение А.Я. Вышинского на пост прокурора РСФСР произошло в переломный в судьбе Советского государства период. С точки зрения процессов, разворачивавшихся в то время в экономическом, социальном и политическом строе СССР, а также в руководстве ВКП (б), оно было явно неслучайным. Смысл этого назначения становится более понятным, если принять во внимание обстановку, сложившуюся в нашей стране к весне 1931 года.

В течение 1929 и 1930 годов в СССР развернулось масштабное строительство заводов, фабрик, электростанций, предприятий по добыче полезных ископаемых. Были приняты меры по организации быстрой подготовки технических специалистов для промышленности. Одновременно началась массовая коллективизация сельского хозяйства.

В развитых западных странах в эти годы разразился жесточайший экономический кризис, вызванный в значительной мере проблемами сбыта произведенной продукции, что создало Советскому государству выгодные условия для закупки на западе передовых технологий, станков и даже целых заводов. Стремясь воспользоваться такой обстановкой, И.В. Сталин и его сторонники в руководстве ВКП (б) до предела увеличили темпы индустриализации и коллективизации.

Решимости их действиям добавляло и ясное сознание неизбежности военного столкновения СССР с западным миром, понимание того, что мировая капиталистическая олигархия не оставит своих попыток сокрушить государство, занимающее огромное пространство Евразии. 4 февраля 1931 года И.В. Сталин заявил в своей речи на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость... **Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут**»¹ (выделено мной. — В.Т.)

¹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. Июль 1930 — январь 1934. М., 1951. С. 39.

Итоги индустриализации, подведенные Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 года, внушали оптимизм. В резолюции пленума, принятой на основании докладов Сталина, Молотова и Куйбышева, было констатировано: «В результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства»².

В речи, произнесенной на заседании пленума 7 января 1933 года, И.В. Сталин следующими словами характеризовал произошедший перелом:

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было действительной и серьезной промышленности по производству современных сельскохозяйственных машин. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

² Материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). Январь 1933 г. Л., 1933. С. 169.

У нас была одна-единственная угольно-металлургическая база — на Украине, с которой мы с трудом справлялись. Мы добились того, что не только подняли эту базу, но создали еще новую угольно-металлургическую базу — на Востоке, составляющую гордость нашей страны.

Мы имели одну-единственную базу текстильной промышленности — на Севере нашей страны. Мы добились того, что будем иметь в ближайшее время две новые базы текстильной промышленности — в Средней Азии и в Западной Сибири. И мы не только создали эти новые громадные отрасли промышленности, но мы создали их в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»³.

Об итогах же коллективизации сельского хозяйства Сталин сказал, что в течение трех лет было организовано «более 200 тысяч коллективных хозяйств и около 5 тысяч совхозов зернового и животноводческого направления», а посевные площади были расширены за последние четыре года на 21 млн. гектар. Колхозы стали объединять «свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей»⁴. Эти данные можно поставить под сомнение: они скорее всего не учитывали массового выхода крестьян из колхозов в 1932 года, однако необратимость произошедшего преобразования сельского хозяйства СССР выразалась ими вполне убедительно.

Сталин умолчал в своем докладе Объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП (б) о том, что политика ускоренной индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства привела к резкому падению жизненного уровня рабочих и крестьян. В ряде регионов СССР начался даже голод, приводивший к массовой гибели людей. Следствием ухудшения условий жизни населения страны стало усиление в нем протестных настроений. В 1929 году на промышленных предприятиях произошло 820 забастовок, в которых участвовало 74242 человека. В 1930 году число забастовок возросло до

³ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки // Материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б). Январь 1933 г. Л., 1933. С. 14-15.

⁴ Там же. С. 21.

1464, а количество участников – до 109386 человек⁵. Основными причинами этих протестных выступлений были требования повысить заработную плату, прекратить снижение зарплаты и нерегулярные ее выплаты, наладить снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. Но вместе с тем звучали и политические лозунги, призывавшие к смене власти «вплоть до Москвы»⁶.

В сельской местности по данным секретно-политического отдела ОГПУ, в 1930 году было зафиксировано 13 754 массовых и групповых протестных выступлений, в которых участвовало 2 468 625 жителей⁷. При этом в докладной записке, содержащей указанные сведения, констатировалось: «Истекший 1930 г., в основном, характерен решительным поворотом кулачества и всех других контрреволюционных сил в деревне от политики своеобразного «приспособленчества» и экономической борьбы (хлебные забастовки, экономический бойкот и саботаж) к открытой борьбе против Советской власти»⁸. Протестуя против насильственной коллективизации, зажиточные крестьяне массово забивали скот, который должны были передать в колхозы. Информация, собранная ОГПУ показывала, что эти акции имели в 1929–1930 годах массовый характер и самые пагубные последствия для сельского хозяйства СССР⁹.

⁵ Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). По документам ВЧК–ОГПУ. М., 2012. С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Таблица динамики массовых и групповых выступлений в деревне по районам СССР за 1930 год // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 804.

⁸ Докладная записка Секретно-политического отдела ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. 15 марта 1931 г. Совершенно секретно // Там же. С. 787.

⁹ «В последнее время на Украине, в СКК, НВК, ЦЧО, ИПО, Западной обл., Московской обл., в Казахстане, Башкирии, Татарии, Северном крае, Нижегородском крае и Грузии усилились и приняли широкие размеры убой и распродажа молочно-продуктивного и мелкого скота, распродажа и убой лошадей. Хищнически истребляется и вырезается молодняк, в том числе и племенной. поголовье рабочего, молочно-продуктивного и особенно мелкого скота, за 2–3 месяца местами сократилось на 50–75%. Повсеместно наблюдается резкое сокращение, а нередко и полное уничтожение всего скота в кулацких и части зажиточных хозяйств» (Справка информационного отдела ОГПУ об убое и

В этих условиях усилились оппозиционные по отношению к сталинской группировке настроения внутри правящего слоя советского общества. Причем неприятие со стороны оппозиции вызывал не сам по себе курс на индустриализацию и коллективизацию, а именно то, как он проводился на практике. Критика сталинских методов индустриализации и коллективизации просочилась и в печать. 13 сентября 1930 года Сталин написал секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову письмо, в котором с раздражением то ли приказал, то ли попросил: «Уйми, ради бога, печать с ее мышинным визгом о “сплошных прорывах”, “нескончаемых провалах”, “срывах” и т.п. брехне. Это — истерический троцкистско-правоуклонистский тон, не оправдываемый данными и не идущий большевикам. Особенно визгливо ведут себя “Эконом[ическая] жизнь”, “Правда”, “За индустр[иализацию]”, отчасти “Известия”»¹⁰.

За три дня до этого письма Иосиф Виссарионович получил от В.Р. Менжинского протоколы допросов преподавателей военной академии полковников Н.Е. Какурина и И.Л. Троицкого, в которых содержались сведения о поддержке правого уклона в большевистской партии командующим Ленинградским военным округом М.Н. Тухачевским и рядом других военачальников¹¹. В сопроводительной записке председатель ОГПУ СССР, высказав мнение о рискованности ареста участников группы Тухачевского поодиночке, сообщил: «Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск»¹².

разбазаривании скота. 17 декабря 1930 г. Совершенно секретно // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. С. 762).

¹⁰ Письма И.В. Сталина к В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 219.

¹¹ Так, например, 26 августа 1930 г. Е.Н. Какурин сообщил, что М.Н. Тухачевский собирал у себя военных командиров — сторонников правого уклона, и что после XVI съезда ВКП (б) он «выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон» (М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор». Справка о проверке обвинений // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 103).

¹² Там же.

И.В. Сталин, встревоженный этими сообщениями, 24 сентября 1930 года, направил полученные из ОГПУ материалы Г.К. Орджоникидзе: «Прочти-ка поскорее показания Какурина – Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприглядного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии»¹³.

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, И.В. Сталин решил воздержаться от ареста М.Н. Тухачевского на основании лишь показаний Е.Н. Какурина, однако на посту командующего Ленинградским военным округом его не оставил. В июне 1931 года Михаил Николаевич был перемещен из Ленинграда в Москву на должность зам. Наркома обороны и лишен тем самым реальной силы.

Сталин ясно сознавал, что главная опасность для него и проводимой им политики исходила в то время не от военачальников, а от оппозиционных ему партийных руководителей и правительственных сановников. 22 сентября 1930 года он обратился с письмом к В.М. Молотову, в котором раскрыл замысел реформы государственного управления: «Вячеслав! Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т.к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет: а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат; б) тебе придется заменить Рыкова на посту Пред[седателя] СНК и Пред[седателя] СТО¹⁴. Это необходимо. Иначе – разрыв между

¹³ Сталин И.В. Сочинения. Том 17. Тверь, 2004. С. 369.

¹⁴ Имеется в виду Совет Труда и Оборона – государственный орган, учрежденный при Совете Народных Комиссаров СССР Постановлением СНК СССР от 21 августа 1923 г. «в целях осуществления хозяйственного и финансового планов Союза ССР, корректирования их в соответствии с экономической и политической

советским и партийным руководством. При такой комбинации мы будем иметь полное единство советской и партийной верхушек, что несомненно удвоит наши силы; в) СТО из органа болтающего нужно превратить в боевой и дееспособный орган по хозяйственному] руководству, а число членов СТО сократить примерно до 10–11 (председатель], два заместителя], председатель] Госплана, Наркомфин, Наркомтруд, ВСНХ, НКПС, Наркомвоен, Наркомторг, Наркомзем); г) при СНК СССР нужно образовать постоянную комиссию («Комиссия Исполнения») с исключительной целью систематической проверки исполнения решений центра с правом быстрого и прямого привлечения к ответственности как партийных, так и беспартийных за бюрократизм, неисполнение или обход решений центра, нераспорядительность, бесхозяйственность и т.п. Эта комиссия должна иметь право пользоваться непосредственно услугами РКИ (прежде всего), ГПУ, Прокуратуры, печати. Без такой авторитетной и быстродействующей комиссии нам не прошибить стену бюрократизма и разгильдяйства наших аппаратов. Без такой или подобной ей реформы директивы центра будут оставаться сплошь и рядом на бумаге»¹⁵.

Упоминание прокуратуры в приведенном письме означало, что Сталин наделял ее особой ролью в обеспечении исполнения решений центральной власти на местах. Вместе с тем оно имело еще один

обстановкой, а также в целях ближайшего руководства народными комиссариатами Союза ССР в области хозяйственных мероприятий и в области мероприятий по обороне». Упразднен Постановлением ЦИК СССР от 28 апреля 1937 г.

¹⁵ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1995. С. 222–223. Подоплека приведенного письма раскрывается в письме И.В. Сталина В.М. Молотову, написанном приблизительно 13 сентября 1930 г. Иосиф Виссарионович утверждал в нем: «Наша центральная советская верхушка (СТО, СНК, Совецание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратили в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова. Совецание замов, являвшееся раньше штабом Рыкова-Сокольников-Шейнмана, теперь имеет тенденцию превратиться в штаб Рыкова-Пятакова-Квиринга или Боголепова (большой разницы между последним и предпоследним не вижу), противопоставляющий себя Ц[ентральному] Комитету партии. Ясно, что так дальше продолжаться не может. Нужны коренные меры» (Там же. С. 217).

важный смысл: прокуратуре, которая в то время являлась республиканским органом, придавалось **общесоюзное** значение.

19 декабря 1930 года В.М. Молотов был назначен председателем Совета Народных Комиссаров СССР, а 5 января 1932 года было издано совместное постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности». Согласно ему Высший Совет Народного Хозяйства Союза ССР преобразовывался в общесоюзный Народный Комиссариат тяжелой промышленности, с выделением из его ведения легкой, а также лесной и лесоперерабатывающей промышленности. Соответственно создавались еще два общесоюзных комиссариата¹⁶.

Эти меры создавали органы государственного управления отраслями народного хозяйства и одновременно отдавали правительство в полное распоряжение сталинской группировки, ориентированной на продолжение политики ускоренной индустриализации страны и массовой коллективизации сельского хозяйства.

В обстановке, когда вся экономика страны ставилась под контроль государственной власти, прежними методами управлять страной оказывалось невозможно. Государство должно было превратиться в огромную бюрократическую систему, действующую как инструмент центральной власти, проводник единой государственной воли, воплощенной в персоне вождя. Партийным руководителям всех уровней надлежало стать неотъемлемой частью этой системы, принять ее идеологию и правила, беспрекословно подчиняться командам, исходящим с ее вершины.

В свете этих перемен назначение А.Я. Вышинского 11 мая 1931 года на должность прокурора РСФСР было вполне закономерным. Государство, устроенное как обширная бюрократическая система, которая не просто управляет обществом, но **определяет все его устройство, всю его жизнь и судьбу**, может существовать сколько-нибудь продолжительное время, эффективно выполняя свои задачи, лишь при условии, если его внутренняя организация пронизана

¹⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1932. № 1. С. 3.

принципом законности. В противном случае такое государство превращается в дикого неуправляемого монстра, смертельно опасного не только для населения страны, но и для высшего ее руководства.

В этой связи совсем неслучайно ЦИК и СНК СССР приняли 25 июня 1932 года совместное постановление «О революционной законности», а Политбюро ЦК ВКП (б) его утвердило.. Смысл этого законодательного и одновременно политического документа явственно проступал в его содержании. Данный акт был направлен прежде всего на искоренение беззакония именно со стороны государственных должностных лиц. В его преамбуле говорилось: «Отмечая десятилетие организации прокуратуры и достигнутые за этот период в СССР успехи в деле укрепления революционной законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры, защиты интересов рабочих и трудящихся крестьян и борьбы с классовыми врагами трудящихся (кулачеством, перекупщиками-спекулянтами, буржуазными вредителями) и их контрреволюционной политической агентурой, ЦИК и СНК СССР особо указывают на наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения, особенно в деревне»¹⁷.

Четвертая статья постановления «О революционной законности» обязывала «суды и прокуратуру привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и пр., и налагать на виновных строгие меры взыскания»¹⁸.

Но особенно примечательным был последний, шестой, пункт постановления, объявивший: «В целях дальнейшего укрепления революционной законности, улучшения и поднятия значения судебно-прокурорских органов категорически запретить снятие или перемещение народных судей иначе, как по постановлению краевых (областных) исполкомов, а снятие и перемещение районных

¹⁷ СЗ. 1932. № 50. С. 459–460.

¹⁸ Там же.

прокуроров иначе, как решением краевого (областного) прокурора или вышестоящих органов прокуратуры и народных комиссариатов юстиции»¹⁹.

О том, что Сталин придавал принятию постановления «О революционной законности» особое значение, свидетельствует написанное им В.М. Молотову в июне 1932 года письмо с оценкой проекта этого документа: «Здравствуй, Вячеслав! О револ[юционной] законности получил. Вышла неплохая штука. Незначительные мои поправки см[отри] в тексте. Я думаю, что директиву ЦК, собственно – первые два пункта с некоторыми поправками – следует опубликовать, а третий пункт директивы можно разослать в закрытом порядке»²⁰.

Директива, принятая на заседании Политбюро ВКП (б) при утверждении указанного документа, гласила: «ЦК ВКП(б) обращает внимание всех партийных организаций на публикуемое 27 июня постановление ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по укреплению революционной законности и требует от всех партийных организаций принятия самых серьезных мер к полному проведению его в жизнь. Отмечая особую роль, которую в деле укрепления революционной законности должен сыграть суд и прокуратура, ЦК предлагает всем партийным организациям:

1. Обеспечить им всяческую помощь и поддержку в деле укрепления революционной законности.

2. Последовательно проводить в жизнь указания партии о строжайшей ответственности коммунистов за малейшую попытку нарушения законов. ЦК ВКП(б)»²¹.

Третьим пунктом своей директивы, который Сталин просил не публиковать и разослать по партийным организациям в закрытом порядке, Политбюро ЦК ВКП (б) строго предписывало: **«Категорически запретить вмешательство партийных организаций в разрешение отдельных конкретных судебных дел, равно как и всякое снятие или перемещение судебных работников в связи с их**

¹⁹ Там же. С. 460–461.

²⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 243.

²¹ Цит. по: Там же. С. 243–244.

деятельностью, без согласования с вышестоящими партийными и судебно-прокурорскими органами»²².

Постановление « О революционной законности» и приведенная директива Политбюро явно повышали роль прокуратуры в Советском государстве и соответственно статус А.Я. Вышинского. Ко времени назначения на главную прокурорскую должность в РСФСР он был признанным специалистом в области уголовного процесса. Но можно с уверенностью предположить, что в условиях обострения внутрипартийной борьбы немаловажное значение для Сталина имело меньшевистское прошлое Вышинского.

Главная опасность для Сталина в условиях, создавшихся в стране и партии к началу 1930-х годов, исходила от «старых» большевиков, пользовавшихся авторитетом среди населения и рядовых партийцев. Принадлежность Андрея Януарьевича к меньшевикам, причем вплоть до февраля 1920 года, делало его весьма уязвимым в самостоятельном противостоянии с этими людьми, особенно с теми из них, кто вступил в ряды большевистской фракции РСДРП еще до революции. Но этот факт биографии Вышинского превращал его в чрезвычайно эффективное и надежное орудие борьбы с ними. Сталин, по всей видимости, уже в начале 1930-х годов хорошо понимал, что революционеры, особенно авторитетные, плохо вписываются в состав бюрократического государства, предполагающего беспрекословное подчинение вышестоящему начальству, и что его борьба с ними будет борьбой не на жизнь, а на смерть. И скорей всего уже тогда он сделал и выбор оружия, которым будет поражать своих противников из «старых» большевиков: им был выбран для этой роли суд.

Судебный процесс позволял ему уничтожить своих противников не только физически, но и духовно. Однако это оружие требовало очень тонкой настройки, чтобы его можно было применить для таких целей. Эту настройку лучше всего мог выполнить прокурор страны, обладающий знанием и пониманием глубин уголовного процесса, недоступных взору обывателя. Вышинский был именно таким человеком.

²² Цит. по: Там же. С. 244.

В октябре 1931 года Сталин опубликовал в журнале «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма», в котором подверг резкой критике статью А.Г. Слущкого²³ «Большевики о германской социал-демократии в период её предвоенного кризиса» за содержащееся в ней утверждение о том, что Ленин не вел линии на разрыв с оппортунистами германской социал-демократии, т.е. недооценивал опасности примиренчества с оппортунизмом. Показав, что Слущкий ошибается в этом утверждении, Сталин сделал вывод в своей статье, что редакция журнала «совершила ошибку», допустив дискуссию с фальсификатором истории большевистской партии, и что толкнул ее на этот неправильный путь «гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение»²⁴. В качестве примера он привел либеральное отношение к троцкизму со стороны некоторых большевиков, думающих, что «троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма».

Назвав такой взгляд на троцкизм глубоко ошибочным, показав, что троцкизм отрицает возможность построения социализма в нашей стране и тем самым помогает антисоветским группировкам обосновать неизбежность борьбы с Советской властью, Сталин заявил далее, что «либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу»²⁵.

15 декабря 1931 года А.Я. Вышинский сделал доклад об этом письме И.В. Сталина на открытом собрании ячейки ВКП (б) в

²³ Имеется в виду историк Анатолий Григорьевич Слущкий (1894–1979), автор книг «Франц Меринг. Революционер, учёный, публицист» (М., 1979) и «Парижская коммуна 1871 года: краткий очерк», выдержавшей три издания (в 1931, 1964 и 1971 гг.).

²⁴ *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И.В. Сочинения. Том 13. Июль 1930 – январь 1934. М., 1951. С. 98. По сведениям историка Светланы Валерьевны Оболенской (1925–2012) после выхода этого письма Сталина в советской печати началось шельмование молодого историка А.Г. Слущкого. Вскоре он был арестован и провел в лагерях целых двадцать лет (<http://svetlao.livejournal.com/222489.html>).

²⁵ Там же. С. 99–100.

Наркомате юстиции. Андрей Януарьевич не просто поддержал вождя большевиков в его непримиримости к троцкистам, но еще более развил его позицию непримиримости к троцкистам. Он говорил так, словно был не прокурором, а партийным идеологом: «Тов. Сталин, указывает на необходимость не проявлять ни в какой мере того «гнилого либерализма», благодаря которому наши классовые враги получают иногда возможность использовать, так сказать, легальные возможности, т.-е. получить возможность выступать в нашей печати, получают возможность выступать в наших семинарах, в наших учебно-научных учреждениях, выступать только потому, что некоторая часть из нас проявляет гнилой либерализм, некоторая часть из нас не понимает, что с контрреволюционными клеветниками не дискусируют, а их бьют, их клеймят, а не предоставляют им трибуны для защиты своих контрреволюционных взглядов. Тов. Сталин против этого «гнилого либерализма», к тому же “проводимого за счет кровных интересов большевизма...”. Это указание т. Сталина, конечно, нас обязывает еще раз серьезно поставить перед собой вопрос о способах и методах различения наших классовых врагов. Для того, чтобы быть беспощадными к этим врагам, для того, чтобы ошибочно не вступать с ними в дискуссию, мы должны уметь, различать этих врагов, знать, где эти враги и в чем их враждебность против нашего дела может проявляться, или проявляется»²⁶.

Этим выступлением А.Я. Вышинский показал, что он очень хорошо понял, какую роль предназначил ему Сталин, поставив на должность прокурора РСФСР, и вместе с тем продемонстрировал свою готовность выполнить ее с полной отдачей своих сил и надлежащим образом .

2

20 июня 1933 года Постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров была учреждена Прокуратура СССР. В преамбуле закона объявлялось, что данная мера была предпринята «в целях укрепления

²⁶ *Вышинский А.Я.* Доклад на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ РСФСР 15 | XII – 31 г. в связи с письмом тов. Сталина в редакцию журнала „Пролетарская революция“ // Советская юстиция. 1932. № 1. С. 10.

социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений со стороны противообщественных элементов»²⁷. На следующий день Президиум ЦИК постановил назначить прокурором СССР И.А.Акулова²⁸, а его заместителем — А.Я. Вышинского²⁹.

17 декабря 1933 года постановлением ЦИК и СНК Союза ССР было утверждено Положение о прокуратуре Союза ССР. Существовавшая до этого прокуратура Верховного суда Союза ССР была упразднена. Согласно Положению, на прокуратуру СССР возлагались следующие функции: «а) надзор за соответствием постановлений и распоряжений отдельных ведомств Союза ССР и союзных республик и местных органов власти — Конституции Союза ССР, постановлениям и распоряжениям правительства Союза ССР; б) наблюдение за правильным и единообразным применением законов судебными учреждениями; в) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения во всех судебных инстанциях на территории Союза ССР; г) надзор на основе особого положения за законностью и правильностью действий ОГПУ, милиции и исправительно-трудовых учреждений; д) общее руководство деятельностью прокуратуры союзных республик»³⁰.

Прокурор СССР И.А. Акулов не являлся профессиональным юристом, его образование ограничивалось учебой в юные годы в Петербургской торгово-промышленной школе. Об особенностях организации прокуратуры и прокурорской деятельности он имел весьма смутное представление, поэтому с самого начала стал допускать ошибки. 25 марта 1934 года им был издан приказ «О перестройке аппарата прокуратуры в центре и на местах», предписавший замену испытанного временем функционального принципа организации внутренней структуры прокурорских органов на производственный или производственно-территориальный.

²⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1933. Отдел 1. № 40. С. 450.

²⁸ Иван Алексеевич Акулов (1888–1937) занимал в то время пост секретаря ЦК КП (б) Украины по Донбассу, а с 31 июля 1931 г. до 3 октября 1932 г. Состоял первым заместителем председателя ОГПУ.

²⁹ СЗ. 1933. Отдел 2. № 17. С. 120.

³⁰ Положение о Прокуратуре Союза ССР // СЗ. 1934. Отдел 1. № 1. С. 2.

Акулов приказал сохранить такие подразделения, как главная военная прокуратура, главная транспортная прокуратура, сектор надзора за местами лишения свободы, управление делами, и ликвидировать существовавшее в структуре прокуратуры деление на отделы общего и судебного надзора, а также специально выделенное для рассмотрения заявлений отдельных лиц бюро жалоб. Вместо них были созданы:

- 1) сектор по делам промышленности,
- 2) сектор по делам сельского хозяйства,
- 3) сектор по делам торговли, кооперации и финансов,
- 4) сектор по делам водного транспорта,
- 5) сектор по делам административно-судебного и культурного строительства,
- 6) сектор по судебно-бытовым делам,
- 7) сектор мобработки.

По замыслу Акулова органы прокуратуры реорганизовывались «таким образом, чтобы каждый оперативный отдел осуществлял весь комплекс задач, стоящих перед органами прокуратуры: рассмотрение жалоб и заявлений, поступающих к ним от разных лиц и учреждений, наблюдение за нарушением социалистической законности в области соответствующей компетенции данной части прокуратуры как по борьбе с преступлениями в этой области, так и по руководству расследованием и наблюдением за правильным прохождением возбуждаемых органами прокуратуры дел в судебных инстанциях вплоть до их окончательного разрешения»³¹.

В отличие от И.А. Акулова А.Я. Вышинский был известным и авторитетным правоведом, успешно проявившим себя на посту прокурора РСФСР, показавшим не только умение эффективно руководить прокурорской деятельностью, но и глубокое понимание ее идеологии.

Своей перестройкой внутренней организации прокуратуры Акулов стремился придать больше упорядоченности ее судебно-следственной деятельности. Андрей Януарьевич старался добиться

³¹ О перестройке аппарата Прокуратуры в центре и на местах. Приказ по Прокуратуре Союза ССР. № 76. 25 марта 1934 г. // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 4. С. 46.

этого другим способом, а именно: путем разработки надлежащей методики расследования преступлений и техники доказывания виновности обвиняемых в суде. Весной 1932 года он подготовил серию методических писем, содержащих анализ типичных ошибок, допускавшихся при расследовании наиболее важных категорий уголовных дел, и рекомендации по их преодолению.

В методическом письме № 2 от 15 мая 1932 года всем работникам прокуратуры и органов расследования об оценке показаний свидетелей и потерпевших по делам, предусмотренным статьей 58⁸ УК РСФСР, Вышинский, занимавший в то время должность прокурора РСФСР, сообщал: «Неудовлетворительное состояние следствия, которое неоднократно отмечалось в директивных указаниях Наркомюста, может быть изжито в результате как ряда организационных мероприятий, так и упорной работой над методикой расследования по основным видам преступлений. В разработку методической стороны расследовательского процесса должна быть втянута вся следственная периферия. Помимо общих методических указаний по отдельным категориям преступлений Прокуратура Республики приступает к изданию методических писем, в которых будут разработаны вопросы расследования по отдельным конкретным, наиболее характерным делам, прошедшим через Прокуратуру Республики и Верховный суд. В таком порядке будут разрабатываться как дефектные дела (т.е. по которым отмечают наиболее существенные дефекты следствия), так и дела, расследованные успешно, по которым органами расследования проявлена инициатива, умелые приемы расследования, давшие положительные результаты. Эти письма должны доводиться на местах до каждого прокурора и следователя и прорабатываться на производственных совещаниях прокуратуры, следователей и всех работников расследования»³².

Методическое письмо № 3 от 15 мая 1932 года всем работникам прокуратуры и органов расследования Вышинский посвятил оценке

³² *Вышинский А.Я.* Расследование дел по ст. 58⁸ УК. Оценка показаний свидетелей потерпевших. Методическое письмо № 2 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 80 от 15 мая 1932 г.) // Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1932. № 15. С. 19.

показаний обвиняемого по делам, предусмотренным статьей 58⁸ УК РСФСР. «При расследовании дел о контрреволюционных преступлениях, в частности о террористических актах, — отмечал он, — существеннейшее значение имеют показания самих обвиняемых. Сознание обвиняемого в преступлении и указание им соучастников значительно облегчает расследование и дает производящему расследование органу нити для раскрытия преступления и причастных к нему лиц. Однако, **сознание обвиняемого и в особенности оговор им других лиц в качестве соучастников ни в какой мере не устраняет необходимости критического подхода со стороны следствия к показаниям обвиняемого, равно не устраняет необходимости для следствия самым инициативным образом собирать и исследовать объективные доказательства. При ином подходе сознание и показания обвиняемого сплошь и рядом могут увести следствие с правильного пути**»³³ (выделено мною. — В.Т.).

Ко всем подобным методическим письмам А.Я. Вышинский прилагал описания конкретных уголовных дел с указаниями на допущенные при их расследовании ошибки. Например, его указание по делу о систематических пожарах в селе Тораное Еланского района Нижне-Волжского края с мая по июнь 1931 года, «когда горело почти исключительно имущество колхозников и по всей обстановке можно было заключить, что пожары были результатом умышленных поджогов», гласило: «Провал следствия по этому делу сигнализирует о следующих существеннейших дефектах следствия: 1. Неумение собирать объективные доказательства (следы). 2. Некритическое отношение к показаниям обвиняемого, на которого производящий расследование всецело полагается. 3. Отсутствие связи органов расследования с местной общественностью — колхозным активом, который в данном деле не только не принимал мер к охране места пожара до прибытия работников расследования, но даже не сообщал о систематических пожарах в течение 2 месяцев, а равно не принимал мер к охране имущества колхоза и колхозников в связи с участвовавшими пожарами. Вину за это следует отнести на счет органов

³³ Вышинский А.Я. Расследование дел по ст. 58⁸ УК. Оценка показаний обвиняемого. Методическое письмо № 3 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 81 от 15 мая 1932 г.) // Там же. С. 22.

расследования, которые не имели связи с колхозным активом и не работали с ним»³⁴.

Став прокурором РСФСР, Андрей Януарьевич не перестал быть преподавателем и постарался превратить прокуратуру в особый род учебного заведения — в орган не только надзора за соблюдением законов, но и в учреждение, обучающее своих работников. Об этом свидетельствуют приведенные методические письма, но лучше всего данную особенность его прокурорской деятельности демонстрирует написанное им методическое письмо № 1 от 15 мая 1932 года, касавшееся расследования дел о должностных и хозяйственных преступлениях в области капитального строительства и привлечения к уголовной ответственности специалистов, В нем Вышинский обращал внимание следователей на то обстоятельство, что «при самом возникновении этих дел нередко предрешается их направление с точки зрения квалификации расследуемых фактов и ответственности привлеченных к следствию лиц». Опираясь на практику, на факты конкретных уголовных дел, прокурор РСФСР констатировал, что по делам подобного рода нередко бывало так, что «следователь, усвоив в отношении лиц, привлеченных к ответственности, обвинительную точку зрения, в дальнейшем не стремился уже *объективно* проверять обстоятельства дела. Все его усилия направлялись лишь к подтверждению *во что бы то ни стало* точки зрения обвинения, как она сложилась в первый момент возбуждения уголовного преследования. В погоне за обвинительным материалом, необходимым для обоснования принятой первоначально версии, следствие в этих делах теряло способность правильной ориентировки и шло по линии наименьшего сопротивления, не критически воспринимая указания различных “свидетелей обвинения”, фактически оказавшихся у них в плену, не заметив заинтересованности этих “свидетелей”, некоторых из которых необходимо было бы самих привлечь к уголовной ответственности»³⁵.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ *Вышинский А.Я.* Расследование дел о должностных и хозяйственных преступлениях в области капитального строительства и привлечение к уголовной ответственности специалистов: Методическое письмо № 1 всем работникам прокуратуры и органов расследования (Циркуляр НКЮ № 79 от 15 мая 1932 г.) // Советская юстиция. 1932. № 15. С. 13.

Подытоживая высказанное, Вышинский констатировал: «Предвзятость установки при возбуждении дела предопределяет и предвзятость и односторонность всего дальнейшего расследования. Следователь принимает к делу все, что подтверждает его версию, и отбрасывает все, что противоречит обвинению, опровергает его»³⁶. При этом Андрей Януарьевич вполне признавал необходимость, полезность создания в начале расследования того или иного дела определенной версии, отмечая, что «и без этого условия, как и при отсутствии плана ведения расследования, расследование вести невозможно». Но наличие предварительной версии, наставлял он следователей, «должно связываться с необходимостью самого критического отношения к попадающим в поле зрения органов расследования материалам и, следовательно, с критическим отношением к самой этой версии, пока фактически и исчерпывающе не подтверждена полная ее достоверность. Отсюда – необходимость внимательной проверки всех данных, могущих послужить опровержением данной версии или подтверждением какой-либо другой версии, хотя бы исходящей от обвиняемого. Отсюда – недопустимость предвзятости, односторонности, тенденциозности ведения расследования. Отсюда – недопустимость такого ведения расследования, при котором:

а) обстоятельства, на которые ссылаются свидетели, принимаются на веру, не проверяются или проверяются формально и поверхностно (если они подтверждают версию следствия);

б) обстоятельства, способные поколебать структуру первоначально сложившейся обвинительной версии, отметаются в сторону (если они противоречат версии следователя)». Конечный вывод прокурора республики звучал предельно жестко: «Мы должны решительно потребовать категорического отказа от таких методов ведения расследования, ибо без устранения этих и им подобных извращений и впредь будет неизбежен тот громадный брак в следовательской работе, который характеризует ее в настоящее время»³⁷.

Демонстрируя работникам прокуратуры пороки следствия конкретных уголовных дел, Вышинский старался показать им

³⁶ Там же. С. 14.

³⁷ Там же.

пагубность этих пороков для интересов Советского государства. «Необходимо раз и навсегда усвоить, — наставлял он следователей, — что все указанные в настоящем письме дефекты следствия приводят к крайне отрицательным результатам и эти отрицательные результаты плохо проведенного расследования ложатся тяжелыми “издержками производства” не только на работу НКЮ, но и на все дело нашего социалистического строительства. По разобранным выше трем хозяйственным делам в результате неудовлетворительно проведенного расследования оказались впустую затраченными громадная энергия, громадное напряжение сил и значительные материальные средства, оказались оторванными от производительного труда несколько десятков специалистов, знания и опыт которых могли быть хорошо использованы в интересах социалистического строительства»³⁸.

После назначения на должность прокурора РСФСР Вышинский стал значительно чаще выступать с пропагандистскими докладами на различного рода совещаниях и публиковать статьи в газетах и журналах. Главной темой его выступлений и публикаций был вопрос о революционной законности. Он старался привлечь внимание к данной теме еще до появления совместного постановления ЦИК и СНК СССР «О революционной законности». Изданный 25 июня 1932 года, этот документ вызвал массу откликов на различных совещаниях и в печати³⁹. Вышинский также принял активное участие в его обсуждении. Но тему революционной законности он поднимал и ранее

³⁸ Там же. С. 18.

³⁹ См., например: *Крыленко Н.В.* Борьба за революционную законность на пороге второй пятилетки. Доклад на расширенном заседании коллегии НКЮ совместно с директором ИССП Комакадемии и ИКП, партийными, советскими и профсоюзными организациями, посвященном 10-летию организации прокуратуры, 3 июля 1932 г. // Советское государство. 1932. № 5-6. С. 3-24. Постановление июльского совещания руководящих работников юстиции по докладу Н.В. Крыленко о конкретных мероприятиях по реализации постановлений ЦК и ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. О революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 23. С. 11-13. Постановление Президиума Верховного суда по вопросу о мероприятиях, вытекающих из постановления ЦИК и СНК СССР о революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 22. С. 1-3. *Старовойтов Ф., Шляпочников А.* За укрепление революционной законности (обзор) // Советское государство. 1932. № 11-12. С. 116-122.

— в связи с наиболее вопиющими случаями нарушения правопорядка, становившимися ему известными по линии прокуратуры. Так, в январе 1932 года Андрей Януарьевич счел необходимым высказаться по поводу издевательств и насилий, которые совершались в сельской местности относительно работников культуры и просвещения, в статье «Культурная революция и органы юстиции». Органы юстиции, заявлял он, призваны «при помощи имеющихся в их распоряжении средств и способов обеспечить необходимые условия развертывания культурной революции. На органах юстиции в этом отношении лежат чрезвычайно высокие и ответственные обязанности. Они обязаны осуществлять надзор за революционной законностью, осуществляя функцию защиты пролетарской революции, пролетарской диктатуры и социалистического строительства, стоять на страже этих интересов, со всей беспощадностью обрушивать свои удары на головы оказывающих делу культурного строительства сопротивление, срывающих это строительство, пытающихся дезорганизовать ряды борцов культурного фронта»⁴⁰.

В начале июля 1932 года А.Я. Вышинский выступил с докладом «Революционная законность на нынешнем этапе соцстроительства» на открытом заседании ячейки ВКП (б) Наркомата юстиции. Содержание этого выступления показывает, что он мыслил себя не просто прокурором, но **прокурором-идеологом**.

Так, Андрей Януарьевич обрушился на «теорию нэповского происхождения революционной законности», попытку ряда советских правоведов (В.П. Антонова-Саратовского, К.А. Архипова, А.Н. Трайнина, А.А. Пионтковского) представить учреждение прокуратуры в 1922 году и провозглашение революционной законности в качестве некоего атрибута новой экономической политики, явления, возникшего лишь в связи с переходом Советского государства к нэпу. Вышинский выразил категоричное несогласие с тем, что до нэпа в Советском государстве действовал только один закон — «закон революционной целесообразности», и что этот закон революционной целесообразности, являющийся единственным критерием,

⁴⁰ Вышинский А.Я. Культурная революция и органы юстиции // Советская юстиция. 1932. № 3. С. 27.

господствовал над всеми советскими законами, упраздняя тем самым принцип законности⁴¹. «Это абсолютно неправильное утверждение, которое имеет своим продолжением утверждение Трайнина о том, что “новая экономическая политика выдвинула необходимость перейти от импульса революционного правосознания к велениям революционной законности”»⁴², — заявил прокурор РСФСР. При этом он обвинил вышеназванных правоведов в непонимании того, что между категориями революционной законности, революционного

⁴¹ В.П. Антонов-Саратовский писал о том, что в 1918 г. «революционная законность почти совпадала с революционной целесообразностью. Точнее: революционная целесообразность называлась революционной законностью. Иначе, конечно, и не могло быть. Центральное правительство в своей законодательной работе, в работе, в работе по установлению порядка пролетарской диктатуры не поспевало тогда за потребностями на местах, а недостаток (порой и полное отсутствие опыта) мешал ему своевременно и правильно заключать в нормы закона бурно развертывающиеся явления борьбы и строительства... В эпоху новой экономической политики, в эпоху устоявшихся отношений, в эпоху роста народного хозяйства, в эпоху окрепшей государственности, безусловного авторитета центральной власти и значительной зрелости законодателя мы возвратились снова к соединению революционной законности с революционной целесообразностью. Уже теперь не может революционная целесообразность противостоять революционной законности, ибо она целиком предусматривается последней. Теперь под революционной законностью должен пониматься тот правопорядок в государстве, который признан целесообразным верховными органами пролетарской диктатуры и который в силу этого обязателен как для граждан, так и для органов и агентов власти. Нарушение этого правопорядка и будет нарушением революционной законности» (Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1-2. С. 3).

⁴² А.Н. Трайнин на самом деле связывал провозглашение лозунга революционной законности в 1922 г. не с нэпом, а с «мощным процессом *внутреннего* роста революции». «Революционное сознание, как основание для оценок, — писал он, — пестро и изменчиво, ибо оно всегда субъективно. Но закон и норма обладают известной устойчивостью; для каждого отдельного случая они объективно существуют, как данные, они статичны. Провозглашение законности поэтому должно быть оценено как завершение первого *динамического* фазиса революции. Если позволительно прибегнуть к старому образу, то как река после разлива входит в берега, так с этого момента революция начинает течь по руслу законности. С этого момента в строй русской жизни вводится новый и могучий фактор, правовой так сказать конституционализм, ограничивающий державные права и монархическую волю революционной стихии. С этого момента революция, как *стихия*, перестает существовать, и начинается жизнь революции, как *правопорядка* (Трайнин А.Н. О революционной законности // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. Июнь. С. 8).

правосознания и революционной целесообразности нет противоречия или противоположности, но все они являются «элементами, дополняющими друг друга, обуславливающими единство понятия»⁴³. «Революционная законность, — констатировал Вышинский, — есть доказательство дальнейшего развития пролетарской революции, в ревзаконности находящей свое новое и могучее орудие революционного творчества»⁴⁴. Проводя мысль о том, что данное явление составляет не временный атрибут советского государства, а его постоянное, сущностное свойство, он утверждал: «Понять природу революционной законности, конечно, нельзя без правильного понимания сущности советского права и государства, функцией которого, как государства диктатуры рабочего класса, и является революционная законность»⁴⁵.

Главным же выводом Вышинского из всех этих рассуждений и утверждений, получившим впоследствии практическое воплощение в его прокурорской деятельности, был тезис о том, что «революционная законность без революционной целесообразности и социалистического правосознания перестает быть революционной законностью, т.е. законностью пролетарской социалистической революции. Она в таком случае превращается в категорию формально-юридического характера, представляющего собой прямое извращение революционной законности. Революционная законность требует гибкого и, так сказать, свободного (что не значит — произвольного) отношения к закону. Не буква закона, не юридическое крючкотворство, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в каких он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван служить, и социалистическим пониманием отношений, в которых должно осуществляться его применение. Вопрос о сочетании революционной законности и революционной целесообразности — это

⁴³ *Вышинский А.Я.* Революционная законность на нынешнем этапе соцстроительства: Доклад тов. Вышинского на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ // Советская юстиция. 1932. № 19. С. 6.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 3.

вопрос о гранях между ними. Эти вопросы нашей партией разрешались с исчерпывающей ясностью, не оставляющей места для каких-либо сомнений и лжетолкований»⁴⁶.

Основные положения приведенного доклада и в том числе критику мнений о революционной законности, высказанных указанными советскими правоведами, Вышинский повторил спустя месяц в своем выступлении на совещании рабселькоров московской печати⁴⁷. Однако утверждения о том, что «революционная законность без революционной целесообразности и социалистического правосознания перестает быть революционной законностью» и что она требует гибкого отношения к закону, на этот раз в его речи не прозвучало.

В конце 1932 года в журнале «Советское государство» был опубликован обзор публикаций по теме революционной законности, вышедших в текущем году⁴⁸. Помимо брошюр М.И. Калинина, П.П. Постышева, Н.В. Крыленко, Ф. Нахимсона, в нем была упомянута и брошюра А.Я. Вышинского «Революционная законность на современном этапе». Авторы обзора Ф. Старовойтов Ф. и А. Шляпочников подвергли критике мнение прокурора РСФСР о триединстве революционной законности, революционной целесообразности и революционного правосознания и его мысль о том, что революционная законность выступает формой проявления и орудием осуществления революционной целесообразности. «В этой формальной расстановке понятий, — подчеркнули критики, — исчезает самое главное... диктатура пролетариата, которая и является источником и революционного правосознания (или революционной целесообразности) и революционной законности»⁴⁹.

В преамбуле вышедшего 20 июня 1933 года постановления ЦИК и СНК об учреждении Прокуратуры СССР было употреблено словосочетание «социалистическая законность». Вышинский

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ *Вышинский А.Я.* Доклад на совещании рабселькоров московской печати по вопросу о революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 22. С. 3–9.

⁴⁸ *Старовойтов Ф., Шляпочников А.* За укрепление революционной законности (обзор) // Советское государство. 1932. № 11–12. С. 116–122.

⁴⁹ Там же. С. 121.

воспринял его в качестве синонима термина «революционная законность». В докладе на собрании Московской коллегии защитников, состоявшемся 21 декабря 1933 года, Андрей Януарьевич, заговорив о законности революционной, сразу пояснил, что имеет в виду ту законность, «которую мы сейчас называем по праву социалистической законностью, потому что ее основой является охрана и защита социалистической общественной собственности»⁵⁰.

В трактовке революционной (социалистической) законности, представленной в этом докладе, Вышинский связал ее с революционным насилием, хотя и признал при этом, что «революционная законность на каждом этапе пролетарской революции приобретает все новые и новые оттенки, все новые и новые особенности не только, как орудие насилия и подавления, но и как средство организации новых отношений на основе новых и более высоких общественных и политических принципов»⁵¹. Заместитель прокурора СССР заявил, что насилие пролетарской революции отличается от насилия в буржуазном обществе, потому что озарено светом будущего. Оно оправдывается «теми высшими принципами, на которых строится новый более высокий, чем капиталистическое общество, общественный уклад, которым прокладывается дорога к новому социалистическому обществу. Революционное насилие является в то же время и проявлением высокого акта человеческой воли, направленного на то, чтобы построить новый, более высокий общественно-экономический уклад жизни. **В этом оправдание революционного насилия, в этом оправдание наших репрессий, как бы они ни были порой резки и решительны. В этом оправдание тех ударов нашего закона, — в виде наших уголовных репрессий, — которые мы бросаем на головы и наших врагов и недисциплинированных, непокорных пролетарскому государству сынов самого рабочего класса, трудящихся масс, подавляя сопротивляющихся государственным требованиям, принуждая их к**

⁵⁰ Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты (исправленная и дополненная стенограмма доклада на собрании Московской коллегии защитников 21 декабря 1933 г. М., 1934.

⁵¹ Там же. С. 26–27.

дисциплине пролетарского государства, к повиновению государству Советов»⁵² (выделено мною. — В.Т.).

Данные слова предвещали России жестокое будущее — еще одну революцию. Но совсем не такую, какая произошла в 1917-ом...

На этот раз революции надлежало обрушиться не на государство, а на революционеров.

Топор революционной законности, под который они должны были обреченно и безропотно лечь, уже для них затачивался.

3

XVII съезд ВКП (б), проходивший с 26 января по 10 февраля 1934 года, провозгласил в своих резолюциях полную победу партии и ее руководства над всеми оппозиционными фракциями. Говоря в своем выступлении с отчетным докладом об этом успехе, И.В. Сталин как будто подводил итоги только что закончившейся гражданской войны: «Разбита и рассеяна антиленинская группа троцкистов. Ее организаторы околачиваются теперь за границей на задворках буржуазных партий. Разбита и рассеяна антиленинская группа правых уклонистов. Ее организаторы давно уже отреклись от своих взглядов и теперь всячески стараются загладить свои грехи перед партией. Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную...

Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде — добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого. Все видят, что линия партии победила. Победила политика индустриализации страны. Ее результаты для всех теперь очевидны. Что можно возразить против этого факта? Победила политика ликвидации кулачества и сплошной коллективизации. Ее результаты также очевидны для всех. Что можно возразить против этого факта? Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма

⁵² Там же. С.

в одной, отдельно взятой стране – вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?»⁵³.

Любопытно, что группы своих поверженных противников Сталин назвал «антиреволюционными»⁵⁴. Между тем именно **он и его сторонники** в руководстве ВКП (б) были настоящей **антиреволюционной** группой, поскольку проводившаяся ими политика противоречила едва ли не всем большевистским революционным идеалам. Она вела к созданию мощного государства с разветвленным аппаратом государственной власти, способным не только управлять промышленностью и сельским хозяйством, но и развивать экономику страны, стимулировать прогресс науки, образования, культуры, обеспечивать защиту страны от внешних и внутренних врагов. Формирование такого государства возлагало повышенную ответственность за судьбу страны на носителей государственной власти, на партийных и государственных деятелей различных уровней. От них, по замечанию Сталина, стало зависеть «теперь все или почти все»⁵⁵.

Указав в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП (б), что ответственность за прорывы и недостатки в работе ложится отныне почти исключительно не на объективные условия, а на «организационное руководство», Иосиф Виссарионович признал, что именно в этой сфере «гнездятся» самые большие трудности. В борьбу за их преодоление он предложил вовлечь массы рабочих и крестьян, мобилизовать саму партию, организовав с помощью этих сил развертывание самокритики и вскрытие недостатков в руководящей работе, «разоблачение и изгнание из аппаратов управления неисправимых бюрократов и канцеляристов»; «снятие с постов нарушителей решений партии и правительства, очковтирателей и болтунов и выдвижение на их место новых людей – людей дела,

⁵³ Отчетный доклад товарища Сталина о работе ЦК ВКП (б) // XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 27–28.

⁵⁴ Дословно И.В. Сталин говорил в своем отчетном докладе XVII съезду ВКП (б): «Большинство сторонников этих антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии партии и капитулировало перед партией» (там же. С. 28).

⁵⁵ Там же. С. 33.

способных обеспечить конкретное руководство порученной работой и укрепление партийно-советской дисциплины»; «чистку советско-хозяйственных организаций и сокращение их штатов» и, наконец, «чистку партии от ненадёжных и переродившихся людей»⁵⁶.

При этом Сталин призвал обратить особое внимание не только на «неисправимых бюрократов и канцеляристов», но и на тормозящих работу и не дающих двигаться вперед высокопоставленных должностных лиц. «Это люди с известными заслугами в прошлом, — пояснил он, — люди, ставшие вельможами, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Это те самые люди, которые **не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины. На что они рассчитывают, нарушая партийные и советские законы? Они надеются на то, что Советская власть не решится тронуть их из-за их старых заслуг. Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом. Их надо смещать с понижением по должности и опубликовывать об этом в печати. Это необходимо для того, чтобы сбить спесь с этих **зазнавшихся вельмож-бюрократов** и поставить их на место. Это необходимо для того, чтобы укрепить партийную и советскую дисциплину во всей нашей работе»⁵⁷ (выделено мною. — В.Т.).**

Приведенная инвектива И.В. Сталина против высокопоставленных должностных лиц, игнорирующих партийные решения и государственные законы, была, пожалуй, самым значимым элементом его отчетного доклада XVII съезду ВКП (б). Она выражала ясное понимание того, что после разгрома партийной оппозиции, добивавшейся продолжения революционной политики и превращения молодого Советского Союза в хворост для разжигания мировой революции, ни от кого другого, а именно от вельможно-бюрократического слоя исходила главная внутренняя угроза для

⁵⁶ Там же. С. 33–34.

⁵⁷ Там же. С. 34.

нашей страны. Эти люди не выступали открыто против руководства партией и государством. Напротив, всячески демонстрировали свою приверженность официальному политическому курсу, но только на словах. В действиях же своих они руководились не государственными интересами, а прежде всего личными корыстными выгодами.

Такое поведение свойственно любой бюрократии, но в условиях нищей страны, пережившей две революции и многолетнюю гражданскую войну, при отсутствии прочного правопорядка, ограничивающего личный произвол и насилие должностных лиц по отношению к населению, оно приобретало характер широкомасштабного общественного бедствия.

Эту особенность советской государственности понимали даже те из большевиков-революционеров, которые пребывали за границей. В декабре 1935 года в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшемся тогда в Париже, была опубликована статья Л.Д. Троцкого «Почему Сталин победил оппозицию?», в которой констатировалось: «Советская бюрократия неизмеримо могущественнее реформистской бюрократии всех капиталистических стран вместе взятых, ибо у нее в руках государственная власть и все связанные с этим выгоды и привилегии. Правда, советская бюрократия выросла на почве победоносной пролетарской революции. Но было бы величайшей наивностью идеализировать, по этой причине, самое бюрократию. В бедной стране, — а СССР и сейчас еще очень бедная страна, где отдельная комната, достаточная пища и одежда все еще доступны лишь небольшому меньшинству населения, — в такой стране миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся прежде всего разрешить свой собственный "социальный вопрос", т.е. обеспечить собственное благополучие. Отсюда величайший эгоизм и консерватизм бюрократии, ее страх перед недовольством масс, ее ненависть к критике, ее бешеная настойчивость в удушении всякой свободной мысли, наконец, ее лицемерно-религиозное преклонение перед "вождем", который воплощает и охраняет ее неограниченное владычество и ее привилегии»⁵⁸.

⁵⁸ Троцкий Л.Д. Почему Сталин победил оппозицию? // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1935. № 46. Данная статья написана Троцким 12 ноября 1935 г. в ответ на письмо секретаря Сенской организации молодежи французской

Партийные функционеры, входившие в слой «вельмож-бюрократов», помогли Сталину одолеть оппозиционные группы в коммунистической партии и, естественно, рассчитывали получить за эти свои заслуги особый статус. Бюрократическое государство, формировавшееся в Советском Союзе в начале 30-х годов, вполне допускало для высшей бюрократии возможность иметь привилегии. Однако в их число не входили ни игнорирование постановлений партийных комитетов и приказов партийного руководства, ни пренебрежение законами Советского государства. Такое революционное своеволие советских бюрократов серьезно подрывало устои всей политической системы СССР.

Очевидно, что борьба против вельможно-бюрократического произвола требовала принципиально другой тактики по сравнению с той, которая применялась Сталиным в противостоянии с политической большевистской оппозицией. Оппозиционно настроенные по отношению к Сталину большевики выступали открыто, и главным их оружием были революционные идеологические догмы. Сталину нелегко было справиться с этой оппозицией, в стане которой побывали попеременно все остальные коммунистические вожди, соратники Ленина — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин. Но он сумел извлечь максимум преимуществ из своего руководящего поста в партийной иерархии и роли главного толкователя революционного ленинского идеологического наследия.

В противостоянии Сталина с вельможами-бюрократами все применявшиеся им ранее — в борьбе с политической оппозицией — уловки и хитрости оказывались бесполезными. Этих людей нельзя было уличить в открытом сопротивлении сталинскому руководству ВКП(б) — они вообще не боролись против кого-то или чего-то. Они лишь использовали свое высокое положение, свои высокие государственные и партийные должности не для служения государству, а прежде всего для извлечения собственной выгоды.

Русский мыслитель Иван Александрович Ильин считал одним из главных устоев нормального государства и правосознания авторитет

социалистической партии Фреда Зеллера «О причинах победы сталинской бюрократии над революционным большевизмом».

государственной власти. «Тот, кто облечен властью, — имеет **священную обязанность поддерживать уважение к ней**, — утверждал он. — “Престиж” власти и “авторитет” власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу»⁵⁹ (выделено мною. — В.Т.). Игнорируя в угоду личным корыстным интересам государственные законы и партийные директивы, вельможи-бюрократы тем самым подрывали в глазах населения авторитет Советского государства и Коммунистической партии. И уже одним этим представляли собой опасную антигосударственную силу. Эффективно бороться с ней можно было только путем установления и поддержания твердого правопорядка, т.е. опираясь на органы суда и прокуратуры. И спустя два с половиной месяца после завершения XVII съезда ВКП (б) в Москве было организовано первое всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников. Оно проходило с 23 апреля по 27 апреля 1934 года. Первый доклад на нем сделал прокурор СССР И.А. Акулов, начавший свое выступление со слов: «Задачи, поставленные XVII съездом партии, требуют укрепления социалистической законности»⁶⁰. Отметив далее, что Сталин на XVII съезде подчеркивал значение революционной законности в деле социалистического строительства, прокурор СССР привел в качестве примера как раз ту цитату из его отчетного доклада, в которой содержалась критика «зазнавшихся вельмож», думающих, что «они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов»⁶¹.

Заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский выступал на вечернем заседании 25 апреля. Его речь, посвященная теме улучшения качества судебно-прокурорской работы, оказалась значительно более объемной и более конкретной по сравнению с выступлением прокурора СССР И.А. Акулова. При этом Андрей Януарьевич говорил не только о состоянии законности в стране, но и о соблюдении законов прокурорскими органами. Более весомая по содержанию, содержащая

⁵⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. С. 195.

⁶⁰ Акулов И.А. XVII съезд партии и задачи революционной законности // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 5. С. 7.

⁶¹ Там же.

ряд программных заявлений, она больше, чем доклад Акулова, походила на доклад руководителя прокуратуры Советского государства. «И в нашей среде, – утверждал Вышинский, – встречаются люди, не особенно находящиеся в ладу с советскими законами, люди, принадлежащие к числу тех, о которых говорил на XVII съезде партии Сталин, указывая на “зазнавшихся вельмож”, которые считают, что “советские законы писаны не для них, а для дураков”»⁶². После этого утверждения он процитировал высказывание Сталина о людях, «которые не считают своей обязанностью исполнять решения партии и правительства и которые разрушают, таким образом, основы партийной и государственной дисциплины».

Вышинский не мог не понимать, что И.А. Акулов – временная фигура во главе прокуратуры СССР. Член РСДРП с 1907 года, состоявший с самого начала в ее большевистской фракции, т.е. человек, относившийся к категории «старых большевиков», не мог быть в глазах Сталина и его сторонников надежным орудием в борьбе со «старыми большевиками», переродившимися в привилегированных партийных вельмож. Да к тому же он вообще не имел юридического образования. Бывший меньшевик и при этом блестящий юрист оказывался значительно больше подходил на роль карающего меча пролетарской диктатуры, который обрушивается на головы своевольных партийных вельмож из «старых большевиков», возомнивших себя победителями и себя хозяевами жизни.

XVII съезд ВКП (б), в особенности доклад Сталина, показал, что большевики-революционеры, считавшиеся В.И. Лениным главной опорой молодого Советского государства, стали рассматриваться руководством ВКП (б) в качестве силы, расшатывающей государственные устои. Формирование в СССР государства, способного управлять, если не всем, то почти всем, создавало спрос на умных, образованных и дисциплинированных бюрократов. Именно к этой категории людей относился А.Я. Вышинский.

Выступая с докладом на первом всесоюзном совещании судебно-прокурорских работников, Андрей Януарьевич кажется вполне ясно

⁶² Вышинский А.Я. О мероприятиях по улучшению качества судебно-прокурорской работы // За социалистическую законность. 1934. № 5. С. 18.

ощущал, что наступило время таких, как он, время же большевиков-революционеров безвозвратно ушло. Может быть, именно поэтому он говорил легко и свободно, даже когда переходил к критическим замечаниям. «Кто из присутствующих здесь не признает, — обращался он к залу, — что вся наша работа строилась до последнего времени таким образом, что наши кодексы сами по себе, а мы — сами по себе, когда считалось известного рода щегольством поменьше смотреть в кодекс и поменьше обращать внимания на то, что написано в кодексе. Ведь не редкость такой взгляд на УПК, что УПК — это чепуха, это — для дураков... Ведь даже некоторые НКЮ чисто циркулярным порядком просто *отменили* почти весь УПК, и на мне отчасти лежит этот грех, как на бывш[ем] заместителе НКЮ РСФСР. Но сейчас важно не то, чтобы каяться, важно вскрыть исторические корни того положения, при котором работники юстиции дошли до наплевательского отношения к закону, когда кое-кто из них даже гордится незнанием законов»⁶³.

Вышинский явно чувствовал свое превосходство над слушателями, над всеми работниками прокурорских и судебных органов: он лучше всех понимал, как следует устроить прокуратуру и суд, как они должны функционировать, и какими качествами, профессиональными и человеческими, должны обладать прокуроры и судьи. Поэтому его выступление по тону и содержанию было похоже на лекцию профессора, пытающегося привить своим студентам элементарные истины и знания. «Конечно без чутья — лучше и правильнее сказать, без классового подхода, без четкого социалистического правосознания — выполнять высокоответственные обязанности советского судьи или советского прокурора нельзя, — наставлял Андрей Януарьевич своих слушателей. — Но кроме чутья необходимо еще одно качество, и не менее важное, это — знание и правильное понимание наших законов. А этого-то зачастую и нет. Знать законы некоторые товарищи считают для себя необязательным и излишним, чем то в роде “буржуазного предрассудка”... По таким настроениям нужно решительно ударить. Нужно добиться немедленного устранения таких настроений. Нашим товарищам нужно пересмотреть свой умственный багаж, перетряхнуть

⁶³ Там же.

свой “верхний этаж”, хорошенько разобраться в этом вопросе, продумать этот вопрос. К сожалению, не все умеют у нас думать. Между тем *думать* – это важнейшее условие, особенно нашей работы. Каждый из нас обязан научиться думать, ибо иначе нельзя вести работы, чрезвычайно сложной, имеющей дело с весьма запутанными явлениями. Чтобы вести работу судьи или прокурора, нужно обладать большой и серьезной подготовкой, нужно обладать большой умственной культурой»⁶⁴.

Для иллюстрации своих мыслей Вышинский часто приводил случаи из практики советских судов, делал экскурсы в историю российского правосудия, обращался к судебной реформе 1864 года. Но самое главное – заместитель прокурора СССР показывал такое знание реального состояния советского правосудия и прокурорской деятельности, как будто сам неоднократно был участником судебных процессов на местном уровне.

«У нас судебное следствие ведется таким образом, – говорил он, – что председатель суда чувствует зачастую себя помощником прокурора. Не прокурор помогает судье разбираться в деле, а председатель берет на себя обвинительные функции, изображая собой второго прокурора, и ведет процесс под явно обвинительным уклоном. Это неправильно, неправильно хотя бы потому, что такой судейский “уклон” создает и у обвиняемого и у присутствующих в судебном зале впечатление, что приговор уже предрешен, хотя судебное следствие еще не закончено. **Обвинительные тенденции судьи представляют собой одно из извращений, самым вредным образом действующее на аудиторию, прямо подрывающее авторитет советского суда, а следовательно и советской власти»**⁶⁵ (выделено мною. – В.Т.).

Вышинский обладал редкой способностью видеть в юридических явлениях общественный смысл и государственное значение. Сам он называл эту свою способность «классовым подходом», следуя терминологии официальной политической идеологии Советского государства, но в действительности она выражала его стремление оценивать правовые институты с более широкой точки зрения – с

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 29.

позиции интересов общества в целом или отдельных социальных групп.

В своем докладе Андрей Януарьевич специально затронул тему адвокатуры и выразил при этом довольно решительное несогласие с доминировавшим в то время в среде судебно-прокурорских работников отрицательным или пренебрежительным отношением к данному правовому институту. «Кое-кто в нашей среде думает: проживем без защиты, защита не нужна и даже вредна, — сказал он. — Это ошибка. Сейчас роль защиты в советском суде особенно важна, так как через наши суды проходят в подавляющем большинстве трудящиеся, требующие высококачественной юридической помощи. Думать так, как думают некоторые, что в советском суде специального органа такой помощи не нужно потому, что сам суд защитит обвиняемого, тоже ошибочно. Думать так, значит впадать в схему, рассуждать абстрактно, совершенно нежизненно. Конечно, советский суд лишенный юридической схоластики и формалистики, притом же состоящий из трудящихся, лучше обеспечивает интересы обоняемого, чем любой самый демократический буржуазный суд. Но это не значит, что он может обойтись — особенно в серьезных делах, — без помощи защиты, как и прокуратуры. Суд нее может отказаться от этой помощи уже по одному тому, что, переходя от одного дела к другому, суд нередко не в состоянии сосредоточить своего внимания на отдельных фактах и явлениях, играющих решающую роль в судьбе дела и, следовательно, в судьбе обвиняемого. Роль защитника, как и прокурора, на суде заключается именно в том, чтобы обратить внимание суда на такие факты и обстоятельства и дать им такое объяснение, которое самостоятельно суд сделать не может»⁶⁶.

Подчеркнув важность *защиты обвиняемых*, Вышинский обрушился с критикой на обвинительные заключения и судебные приговоры. Он не сказал прямо о непрофессионализме прокуроров и судей, составляющих такие документы, но убедительно продемонстрировал его проявления на конкретных примерах. Более того, приведенные им случаи показали значительно более вредный для правосудия и прокурорской деятельности феномен, а именно: стремление

⁶⁶ Там же. С. 31.

затушевать юридический непрофессионализм фразами, заимствованными из официальной политической пропаганды. «У нас нередко абсолютно неудовлетворительно составляется и обвинительное заключение и приговор», – сообщил он. Отметив, что эти судебные документы имеют решающее значение в судьбе обвиняемых, заместитель прокурора СССР заявил далее, что приговор в советских судах часто пишется так, что «в нем затрагиваются все важнейшие мировые проблемы, но нет главного, нет ясности относительно того, **кто в чем виноват**. Некоторые считают, что если приговор напичкан ссылками на индустриализацию, вторую пятилетку, классовую борьбу, империалистические происки и пр., то значит приговор политически выдержан. Забывают, что политическая ценность приговора не в том, чтобы в него всадить целые страницы политического, анализа, резолюций съездов и т. п., а в том, чтобы ясно и просто вскрыть корни и причины преступления, порожденного классовым сопротивлением эксплуататоров, чтобы показать **конкретное содержание** этого преступления, показать на живых фактах, в чем состоит данное преступление и **чем именно доказывается** вина данного обвиняемого. На деле же в приговоре нередко говорят о грандиозных задачах индустриализации, а о сути дела молчат, или говорят что-то нечленораздельное. Политическое значение приговора заключается не в многословии по поводу общих задач политики, а в фактическом качестве этого приговора»⁶⁷.

Партийная оппозиция политическому курсу сталинского руководства ВКП (б) была полностью разгромлена организационно, однако в качестве идеологического течения она продолжала существовать. Вышинский ясно это признавал, поэтому в своем докладе на совещании судебно-прокурорских работников не упустил возможности покритиковать одного из главных ее идеологов. Он обрушился на высказанную когда-то соратником В.И. Ленина Григорием Евсеевичем Зиновьевым идею о том, что диктатура пролетариата есть власть, не связанная никакими законами, кроме собственных законов. «По Зиновьеву выходит, – заметил Вышинский, – что революционная законность связывает диктатуру пролетариата.

⁶⁷ Там же. С. 32.

Это неверно. Революционная законность не может связывать, ограничивать диктатуры пролетариата, ибо революционная законность есть функция диктатуры пролетариата. Также ошибочно представлять революционную законность только как один из методов разгрома классового врага, или как насилие и принуждение, отбрасывая в сторону культурно-воспитательную сторону революционной законности»⁶⁸.

Андрей Януарьевич уже высказывал эти идеи⁶⁹. Он мог бы сослаться на В.И. Ленина, назвавшего в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» верной мыслью о том, что «диктатура есть власть, не связанная никакими законами»⁷⁰, но решил, что достаточным будет просто сказать о невозможности ограничения диктатуры пролетариата революционной законностью. Этот заочный спор Вышинского с Зиновьевым можно было бы считать сугубо теоретическим, если бы не последующие события, показавшие его практический смысл...

* * *

Через десять дней после завершения XVII съезда ВКП (б) Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об организации «Союзного Наркомата внутренних дел с включением в него реорганизованного ОГПУ»⁷¹. Подготовка проектов законодательных актов по этому решению растянулась на четыре с лишним месяца. Окончательный вариант Постановления ЦИК Союза ССР о создании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) с включением в его состав Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) был издан 10 июля 1934 года.

Согласно ему на новый правительственный орган было признано целесообразным возложить:

⁶⁸ Там же. С. 20.

⁶⁹ См.: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883 - 1954): государственный деятель и правовед // Законодательство. 2018. № 1. С. 87-94.

⁷⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 37. М., 1969. С. 244.

⁷¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об организации Союзного Наркомата внутренних дел. 20 февраля 1934 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 486.

- «а) обеспечение революционного порядка и государственной безопасности;
- б) охрану общественной (социалистической) собственности;
- в) запись актов гражданского состояния (запись рождений, смертей, бракосочетаний и разводов);
- г) пограничную охрану»⁷².

В связи с этим в составе нового наркомата было образовано пять главных управлений (государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений) и два вспомогательных подразделения (отдел актов гражданского состояния и административно-хозяйственное управление).

Руководителем общесоюзного Наркомата внутренних дел и одновременно Главного управления государственной безопасности был назначен заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода.

В союзных республиках (за исключением РСФСР, где был создан институт Уполномоченного Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР) были организованы республиканские наркоматы внутренних дел, в автономных республиках, краях и областях были открыты управления Народного комиссариата внутренних дел союзных республик.

В тот же день было принято Постановление ЦИК Союза ССР «О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых Народным комиссариатом внутренних дел Союза ССР и его местными органами». Оно установило правило, согласно которому расследуемые НКВД СССР и его местными органами дела о государственных преступлениях подлежали отныне «рассмотрению по подсудности в Верховном Суде Союза ССР, верховных судах союзных республик, краевых и областных судах, а также в верховных судах автономных республик»⁷³. Вместе с тем было решено создавать для рассмотрения этих дел при названных судебных учреждениях Союза ССР и союзных республик «специальные судебные коллегии

⁷² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик (далее: СЗ). 1934. № 36. С. 505.

⁷³ СЗ. 1934. № 36. С. 506.

в составе – председательствующего и двух членов суда». Дела об измене родине, о шпионаже, терроре, взрывах, поджогах и иных видах диверсий, расследуемые НКВД и его местными органами, должны были передаваться, согласно указанному Постановлению, на рассмотрение Военной коллегией Верховного суда Союза ССР и военных трибуналов округов по подсудности.

Создание Народного комиссариата внутренних дел на общесоюзном и республиканском уровне выражало прежде всего стремление руководства ВКП (б) укрепить государство. Ведомство, соединившее в одной системе функции обеспечения общественного порядка и государственной безопасности, было способно более эффективно служить этой цели. Вместе с тем его появление существенно усложняло прокурорскую деятельность. А.Я. Вышинский сполна ощутит это в конце 1934 года, когда в СССР произойдет одно из таких событий, которые называют роковыми или переломными в судьбе государств.

1 декабря 1934 года был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Киров. По словам историка Ю.Н. Жукова, специально изучавшего архивные документы, отразившие данное событие, за этим убийством «последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки – 76 человек, к ссылке – 30 человек, да к тому же сугубо партийным постановлением к высылке – 988 человек. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской.

Следствие по делу об убийстве Кирова и порожденные им процессы завершились, но слишком многое так и осталось необъясненным, даже в закрытом письме ЦК»⁷⁴.

Немало тайн из этого необъясненного и, может быть, даже самые главные из них, знал А.Я. Вышинский, принимавший активное участие в юридическом оформлении судебных процессов по делу об убийстве Кирова. Благодаря этому он вошел в круг персон, посвященных в

⁷⁴ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 108–109.

самые страшные тайны самого жестокого времени в судьбе Советского государства и в когорту людей, пользовавшихся особым доверием и благорасположением со стороны Сталина — человека, создававшего эти тайны.

4

Убийство Кирова дало руководству ВКП (б) основание перевести борьбу с внутрипартийной оппозицией в сферу прокуратуры и суда. Уже в первом официальном сообщении об этом преступлении убийца был представлен в качестве преступника, «подосланного врагами рабочего класса», т.е. не одиночкой, действовавшим по собственным мотивам, а орудием враждебных сил.

22 декабря 1934 года советские центральные газеты опубликовали под заголовком «В народном комиссариате внутренних дел» следующую информацию: «Предварительное расследование по делу об убийстве члена Президиума ЦИК СССР и секретаря ЦК и ЛК ВКП(б) т. С.М. Кирова закончено 20 декабря сего года, и дело передано в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР. Расследованием установлено, что Л.В. Николаев, совершивший 1 сего декабря в Смольном свое гнусное преступление, являлся членом террористической подпольной антисоветской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде. Установлено, что убийство т. Кирова было совершено Николаевым по поручению террористического подпольного “ленинградского центра”, переданному ему членом и одним из руководителей этого центра Котолыновым И.И. Следствие выяснило, что мотивами убийства т. Кирова явилось стремление этой подпольной антисоветской группы дезорганизовать руководство советского правительства путем террористических актов, направленных против главных руководителей советской власти, и добиться таким путем изменения нынешней политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы»⁷⁵.

⁷⁵ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. М., 1935. С. 5.

Все эти выводы были представлены и в обвинительном заключении по делу Николаева Л.В., Котолынова И.И., Мясникова Н.П. и др., обвиненных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР⁷⁶, которое составили 25 декабря 1934 года заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский и следователь по важнейшим делам при прокуроре Союза ССР Л.Р. Шейнин. «Следствием установлено, — констатировалось в нем, — что, несмотря на капитуляцию бывшей зиновьевской антисоветской группы, подпольная работа наиболее активных участников этого блока не прекратилась и продолжалась до самого последнего времени. Особенно активизироваться эта деятельность стала в 1933–1934 годах, когда в Ленинграде образовалась из числа бывших участников зиновьевской группы подпольная контрреволюционная террористическая группа во главе с так называемым “ленинградским центром”⁷⁷.

⁷⁶ Упомянутые статьи были введены в Уголовный кодекс РСФСР Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. Статья 58⁸ гласила: «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в ст.58² настоящего Кодекса». Статья 58² определяла в качестве наказания за «вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях» «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества». Статья 58¹¹ устанавливала: «Всякого рода организационная деятельность, направления к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой — меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы (Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1927. № 49. С. 586–587).

⁷⁷ Обвинительное заключение по делу Николаева Л.В., Котолынова И.И., Мясникова Н.П.,... обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58⁸ и 58¹¹ Уголовного кодекса РСФСР // Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 7–8.

Указанное дело рассматривалось в порядке, предписанном Постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 года⁷⁸, выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР весь день 28 декабря. В 2 часа 30 минут 29 декабря суд удалился на совещание для вынесения приговора. В 5 часов 45 минут был объявлен приговор, признавший обвиняемых по этому делу, в числе 14 человек, виновными в совершении преступления, предусмотренного статьями 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР. Все они были приговорены «к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией принадлежащего им имущества»⁷⁹. В 6 часов 45 минут данный приговор был приведен в исполнение.

13 января 1935 года А.Я. Вышинский и Л.Р. Шейнин составили еще одно обвинительное заключение – на этот раз по делу Зиновьева Г.Е., Евдокимова Г.Е., Гертик А. М., Бакаева И.П., Куклина А.С., Каменева Л.Б. и др., обвиненных в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР⁸⁰. В этом документе был сделан вывод о том, что помимо так называемого «ленинградского центра» существовал еще и «московский центр», объединявший «руководителей бывшей антисоветской зиновьевской группы, не прекратившей, несмотря на свою капитуляцию, своей подпольной работы, направленной на осуществление контрреволюционных целей

⁷⁸ Данное Постановление установило новый порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти. Им было предписано: «1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3. Дела слушать без участия сторон. 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора» (О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. 1 декабря 1934 г. // За социалистическую законность. Орган Прокуратуры СССР. 1934. № 12. С. 29).

⁷⁹ Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 26.

⁸⁰ Статья 17 УК РСФСР 1926 г. устанавливала: «Меры социальной защиты судебно-исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление - исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников».

в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы»⁸¹. Признав, что «следствием не установлено фактов, которые дали бы основание предъявить членам “московского центра” прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т. Кирова», обвинители констатировали: «Но вся обстановка и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного “московского центра” доказывают, что они знали о террористических настроениях членов этой группы и разжигали эти настроения»⁸². В связи с этим было заявлено, что члены указанного “московского центра” и в первую очередь обвиняемые Зиновьев, Евдокимов, Герттик и Каменев, должны нести не только моральную и политическую ответственность, но и ответственность по **советским законам**»⁸³ (выделено мною. — В.Т.).

В результате к суду было привлечено по делу так называемого «московского центра» девятнадцать человек. 15 и 16 января 1935 года выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР рассмотрела его и вынесла приговор, которым обвиняемым было назначено наказание в виде тюремного заключения на срок от пяти до десяти лет, в зависимости от степени участия в преступной деятельности. Г.Е. Зиновьева приговорили, как «главного организатора и наиболее активного руководителя подпольной контрреволюционной группы “московского центра” — тюремному заключению на десять лет»⁸⁴. А, например, другому бывшему большевистскому вождю — Л.Д. Каменеву, как менее активному участнику указанной группы, назначили пять лет тюремного заключения. При этом суд постановил конфисковать «имущество всех осужденных, лично им принадлежащее»⁸⁵.

⁸¹ Обвинительное заключение по делу Зиновьева Г.Е., Евдокимова Г.Е., Герттик А. М., Бакаева И. П., Куклина А. С., Каменева Л. Б.,... обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17, 58⁸ и 58¹¹ УК РСФСР // Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. С. 31

⁸² Там же. С. 36.

⁸³ Там же. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 42–43.

⁸⁵ Там же. С. 43.

18 января 1935 года всем партийным организациям было направлено «Закрытое письмо ЦК ВКП (б)», в котором давалась предельно жесткая оценка внутрипартийной оппозиции, объединившейся вокруг Г.Е. Зиновьева. «Зиновьевская фракционная группа, — утверждалось в этом документе, — является единственной в истории нашей партии группой, которая сочла возможным прибегнуть к террору как методу борьбы против партии и ее руководства. История нашей партии знает немало фракционных группировок. В борьбе этих группировок против линии партии, как и в борьбе партии против этих группировок, применялся обычно один метод: выяснение разногласий, формулировка разногласий, закрытая дискуссия внутри руководящих партийных органов, открытая дискуссия в печати и на партийных собраниях, голосование и подсчет голосов, подчинение меньшинства большинству, наконец — уход из партии тех, которые не считали возможным подчиниться большинству партии, либо исключение из партии наиболее неисправимых фракционеров, ломавших дисциплину и единство партии. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы фракционные группировки в отношении партии или партия в отношении фракционных группировок пытались применить террор. История нашей партии не знает ни одного примера, чтобы группировка, оставшаяся в меньшинстве, пыталась навязать свою волю большинству партии путем насилия, путем террора, чтобы она пыталась применять террор в отношении представителей большинства партии. Зиновьевская фракционная группа является единственной в истории нашей партии группой, которая, обанкротившись вконец и лишившись всякой поддержки партийных масс, скатилась на этот презренный, белогвардейский путь»⁸⁶.

Вытекавший из приведенной характеристики внутрипартийной оппозиции вердикт прозвучал поистине сокрушительно: «Зиновьевская фракционная группа была по сути дела замаскированной формой белогвардейской организации, вполне

⁸⁶ Закрытое письмо ЦК ВКП (б). Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова. Ко всем организациям партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99.

заслуживающей того, чтобы с ее членами обращались, как с белогвардейцами»⁸⁷.

Этот вывод раскрывал подлинный смысл только что прошедшего судебного процесса над бывшими большевистскими вождями и их соратниками. Сталин воспринимал его как сражение гражданской войны, которую невозможно прекратить примирением воюющих сторон.

Перевод борьбы с внутрипартийной оппозицией в сферу прокуратуры и суда придавал особое значение должности прокурора СССР и связанной с нею функции главного обвинителя. Очевидно, что исполнять эту роль надлежащим образом и в полном соответствии с политикой руководства ВКП (б) мог только человек, который был способен сочетать с личной преданностью Сталину талант юриста и судебного оратора, умение придать обвинению необходимую юридическую форму и представить его в ярком словесном выражении.

Это означало, что наступило время Вышинского.

* * *

3 марта 1935 года Постановлением ЦИК СССР И.А. Акулов был освобожден от обязанностей прокурора Союза ССР и утвержден секретарем Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. На его место в тот же день был назначен первый заместитель прокурора СССР А.Я. Вышинский⁸⁸.

Он занимал эту должность до 31 мая 1939 года, то есть всего четыре года и три месяца без малого, но она заслонила собой все другие его государственные посты. Произошло это главным образом вследствие участия Вышинского в качестве государственного обвинителя в самых громких судебных процессах того времени: по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (в августе 1936 г.), по делу «антисоветского троцкистского центра» (в январе 1937 г.), по делу «антисоветской троцкистской военной организации» (в июне 1937 г.), по делу «антисоветского право-троцкистского блока» (в марте 1938 г.).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее: СЗ). Отдел 2. 1935. № 5. С. 70.

Придав ему известность как обвинителю, эти процессы покрыли тенью забвения ту его деятельность на посту прокурора СССР, которая была связана с осуществлением главного предназначения прокуратуры – постоянного надзора за законностью. Между тем именно эта повседневная прокурорская деятельность Вышинского убедительнее всего свидетельствует о том, что должность прокурора СССР раскрыла него настоящее призвание. Поэтому она и заслонила собой все другие его государственные должности.

Вступая на пост главы прокуратуры Советского государства, Андрей Януарьевич имел вполне отчетливое представление о тех проблемах и трудностях, с которыми ему придется столкнуться, и хорошо представлял, что надо делать и как необходимо действовать на этом посту.

Вышинский, конечно же, знал, что прокуратура должна обеспечивать расследование и наказание преступлений, создавая тем самым условия для поддержания правопорядка в обществе. Он хорошо понимал, что по отношению к партийным вельможам, выступившим против политики Сталина, прокуратура должна быть разящим мечом. Но вместе с тем он предельно ясно сознавал, что возглавляемый им государственный орган одновременно должен быть защитником простого народа от произвола разного рода чиновников.

Государственная власть, которая позволяет властвующим нагло угнетать, убивать, калечить и грабить простых людей, неспособных защитить себя без помощи государства, в любой стране перестает быть государственной властью, а превращается в настоящего пособника преступников.

В Советском государстве, которое являлось по своей официальной идеологии государством трудящихся, народным государством, защита простых людей от беззакония вменялась в главную обязанность прокуратуры самим фактом рождения и существования такого государства.

Спустя два месяца после того, как Вышинский был назначен на должность прокурора СССР, И.В. Сталин выступил в Кремлевском Дворце с весьма примечательной речью. Андрей Януарьевич воспринял ее, помимо прочего, и как повод высказать, насколько

возможно подробнее, свои собственные взгляды на предназначение прокуратуры и суда в Советском государстве.

Хотя свою речь Сталин произносил перед выпускниками военных академий, и по логике вещей должен был говорить, главным образом, об армии, он придал ей общегосударственный смысл. «Товарищи! — обратился он к будущим офицерам. — Нельзя отрицать, что за последнее время мы имели большие успехи как в области строительства, так и в области управления. В связи с этим слишком много говорят у нас о заслугах руководителей, о заслугах вождей. Им приписывают все, почти все наши достижения. Это, конечно, неверно и неправильно. Дело не только в вождях. Но не об этом я хотел бы говорить сегодня. Я хотел бы сказать несколько слов о кадрах, о наших кадрах вообще и в частности о кадрах нашей Красной Армии»⁸⁹.

Обрисовав успехи государственной политики в индустриализации страны, Сталин счел необходимым сказать своим слушателям: «Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, **голода в области людей**, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. ... Если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего **научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.** Надо понять, что при наших нынешних условиях **“кадры решают все”**. В этом теперь главное... Лозунг **“кадры решают все”** требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к **“малым”** и **“большим”**, в какой бы области они ни работали, выращивали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т.д. А между тем на деле мы имеем в целом ряде случаев факты бездушно-

⁸⁹ Сталин И.В. Речь в Кремлевском Дворце на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года // Сталин И.В. Сочинения. Том 14. М., 1997. С. 58.

бюрократического и прямо безобразного отношения к работникам. Этим, собственно, и объясняется, что вместо того, чтобы изучать людей и только после изучения ставить их на посты, нередко швыряются людьми, как пешками. Ценить машины и рапортовать о том, сколько у нас имеется техники на заводах и фабриках, научились. Но я не знаю ни одного случая, где бы с такой же охотой рапортовали о том, сколько людей мы вырастили за такой-то период и как мы помогали людям в том, чтобы они росли и закалялись в работе. Чем это объясняется? Объясняется это тем, что у нас не научились еще ценить людей, ценить работников, ценить кадры»⁹⁰.

19 мая 1935 года, то есть спустя всего две недели после сталинского выступления, А.Я. Вышинский выступил с докладом «Речь т. Сталина и задачи органов юстиции» на объединенном заседании, организованном Институтом уголовной политики при Прокуратуре Союза ССР, Верховном суде Союза ССР и НКЮ РСФСР и секцией уголовной политики Института советского строительства и права Коммунистической академии. Сокращенная и переработанная стенограмма этого доклада была опубликована в июньском номере журнала «За социалистическую законность» за 1935 года. В том же году переработанный и дополненный текст данного выступления был напечатан в виде отдельной брошюры объемом в 67 стр.

«Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. открывает собой целую эпоху», — такими словами Вышинский начал свой доклад. Отметив, что выдвинутый Сталиным лозунг о том, что сейчас «кадры решают все» открывает новую страницу в истории Советского государства, Андрей Януарьевич сказал, что «этот лозунг был подготовлен всем ходом нашего общественного, экономического и политического развития» и является завершением мысли о ценности кадров, которую Сталин неоднократно высказывал прежде. «Заостряя наше внимание на людях, требуя беспощадной борьбы с враждебными элементами, опасными для дела социалистического строительства, т. Сталин все время говорит и о необходимости воспитывать и новых людей и новые методы,

⁹⁰ Там же. С. 61–62.

социалистические методы работы»⁹¹. Комментируя эти высказывания Сталина, Вышинский подчеркнул, что «в старых методах работы больше всего кроется опасностей в смысле **неправильного отношения к трудящемуся человеку**», что в советских органах прокуратуры и суда «достаточно еще неосторожно, легковесно и безответственно» подходят «к разрешению вопроса о судьбе людей и о судьбе, что еще более важно, дела, которому эти люди могут быть полезны. Величайшее значение речи т. Сталина 4 мая вообще, и в частности для работников советской юстиции, состоит в том, что она круто поворачивает наше внимание к этому вопросу»⁹² (выделено мною. — В.Т.).

В дальнейшем изложении доклад Вышинского принял критический характер. Прокурор СССР использовал выраженную Сталиным в рассматриваемой речи мысль о том, что «**из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди**», для беспощадной критики того состояния прокурорской и судебной деятельности, которое сложилось в Советском государстве к середине 30-х годов. «Один из самых основных недостатков в нашей работе, — заявил он, — это неумение ценить людей, когда мы решаем вопрос о привлечении человека к уголовной ответственности, о предании его суду, об его осуждении; когда решаем вопрос о свободе, чести, достоинстве и даже жизни этого человека. Новый лозунг т. Сталина, данный в его речи на выпуске военных академиков 4 мая в Кремлевском дворце, обязывает нас вновь поставить перед органами советской юстиции ряд новых крупнейших задач: 1) в области судебной политики, 2) методики и тактики нашей работы, работы суда и прокуратуры, 3) в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также так называемых гражданских дел (хозяйственное право), 4) в области судоустройства и 5) в области подготовки кадров советских юристов»⁹³.

Вышинский не ограничился в своем докладе оценкой прокурорской деятельности, но обратил внимание и на судебную

⁹¹ *Вышинский А.Я.* Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 2.

⁹² Там же. С. 4.

⁹³ Там же.

политику, и на состояние юридического образования. Будучи Прокурором СССР, он осмелился выступить с позиции государственного деятеля значительно более высокого ранга – во всяком случае, такого, который позволял давать весьма категоричные оценки всем юридическим органам Советского государства, их организации и работе, системе подбора кадров для них, а также законотворческому процессу, законодательству, кодексам. Так, о следственно-прокурорской деятельности и судебной политике он говорил следующее: «Основные недостатки можно сформулировать таким образом: **в стадии возбуждения уголовного преследования** – непродуманность, необоснованность, в значительном числе случаев и безответственность; отсутствие чувства политической ответственности за то, что ты как следователь или как прокурор принимаешь решение о привлечении к уголовной ответственности; наконец, все еще не изгнанная из нашей практики массовость привлечения к уголовной ответственности. **В стадии предания суду** – работа проводится по шаблону, отсутствует реальная ответственность и, как правило, продолжается штамповка обвинительных заключений. **В стадии судебного рассмотрения** – налицо то, от чего предостерегал Владимир Ильич, когда говорил, что нам не нужно судей “торопыг”. У нас работа в стадии судебного рассмотрения дела нередко проходит впопыхах, в спешке, даже в том случае, когда организуются так называемые показательные процессы, которые оказываются показательными в отрицательном смысле... Мы до сих пор еще не добились, чтобы каждый приговор, каждое решение нашего суда было веским и убедительным, как это требовал еще т. Ленин, говоривший, что приговор не столько должен отличаться жестокостью наказания, сколько внедрением убеждения в справедливости и неизбежности этого наказания. Эта сторона дела меньше всего на виду, меньше всего мы думаем о том, чтобы судебный приговор убеждал, воспитывал, мобилизовал общественное мнение»⁹⁴ (выделено мною. – В.Т.).

Приведя примеры конкретных уголовных дел, Вышинский показал, что в советском судопроизводстве распространена практика назначения уголовного наказания, причем нередко в виде лишения

⁹⁴ Там же.

свободы, за такие должностные преступления, как бездеятельность и халатность. Осужденных за подобные деяния в два раза больше, чем за злоупотребление властью и почти в четыре раза больше, чем за корыстные преступления. «Вместо того, чтобы бороться с жуликами, расхитителями, растратчиками, мы бьем преимущественно по таким преступлениям, с которыми можно бороться и иными средствами, чем уголовный суд»⁹⁵, – констатировал прокурор СССР.

В текст своего доклада, изданного в расширенном варианте в виде отдельной брошюры, А.Я. Вышинский включил невысказанное при устном выступлении предостережение в адрес судебно-прокурорских работников, понимавших свою деятельность исключительно как деятельность карательную и без особого разбирательства отправлявших массы людей в места лишения свободы. «Такое положение нетерпимо, – заявил он. – Органы прокуратуры в настоящее время больше, чем когда-либо, должны помнить о громадной ответственности за каждый свой шаг, за каждое мероприятие, связанное с использованием тех исключительных полномочий, которые предоставлены прокуратуре. Нужно не на словах, а на деле доказать, что прокуратура умеет действовать с разбором, умеет бить метко и точно, умеет не допускать ошибок и извращений. Нужно еще раз подчеркнуть, что подлинная революционность, решительность и последовательность в борьбе с классовыми врагом несовместимы с безответственными, беспорядочными, плохо подготовленными и в силу этого лишенными всякой меткости ударами. Нужно беспощадно разоблачать, как самый вредный оппортунизм, стремление некоторых наших судебно-прокурорских работников измерять *качество* своей работы *количеством* заведенных уголовных дел, числом вынесенных обвинительных приговоров независимо от того, правильны ли эти приговоры, виновны ли в действительности осужденные и т.д.

Нужно добиться такого положения, когда *каждое* дело будет тщательно подготовлено следственными органами, правильно проведено судом, когда каждый обвинительный приговор будет понят и одобрен трудящимися массами.

⁹⁵ Там же. С. 5–6.

Нужно свести до возможного минимума судебные ошибки, больно бьющие не только по живым людям, но и по всему обществу трудящихся, по нашему пролетарскому государству... Нам нужно сосредоточить свое внимание на действительных преступлениях, на серьезных преступлениях, чтобы не размениваться на мелочи, чтобы не получалось, что суды загружены ничего не значащими делами, в то время как серьезные и действительно опасные для пролетарского государства преступления остаются безнаказанными»⁹⁶.

А.Я. Вышинский излагал таким образом новую идеологию прокурорской и судебной деятельности, соответствовавшую новому этапу в развитии Советского государства. Ее суть выражала следующая сентенция: **«Бережное отношение к трудящимся при привлечении за должностные и разного рода другие преступления не означает отказа от привлечения к ответственности, от требования еще более быстрого и решительного, последовательного привлечения к уголовному суду врагов пролетарского государства, от беспощадной расправы с этими врагами»**⁹⁷.

Прокурор Союза ССР призывал покончить с «размашистым, кампанейским» отношением к вопросу о привлечении к уголовной ответственности, отказаться от старых методов решения этого вопроса, игнорирующих необходимость беречь кадры, не бить по ним из-за незначительных правонарушений-проступков, не превращать каждое дисциплинарное нарушение трудящимися своих обязанностей в уголовное преступление с последующим лишением свободы. «Когда мы говорим, — пояснял он, — о бережном отношении к кадрам, о сокращении количества привлекаемых к суду, о борьбе с массовостью и необоснованностью привлечений за счет усиления нашей работы по обоснованным привлечением, — это нельзя понимать как свертывание нашей борьбы. Это надо понимать, наоборот, как усиление борьбы с действительными преступниками за счет отказа от борьбы с

⁹⁶ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 24.

⁹⁷ Там же. С. 25–26. В другом месте с своей брошюры Вышинский выразил эту мысль более прямолинейно и жестко. «Мы должны поставить вопрос так, — заявил он, — чтобы задача бережного отношения к нашим людям была одновременно связана с задачей беспощадной расправы с врагами наших людей, с врагами нашего дела» (там же. С. 26).

“преступниками” в кавычках. Нужно добиться того, чтобы привлечение к уголовной ответственности было событием для привлекаемого к ответственности человека, событием и для его окружающих и для родственников. Тем более таким событием должно быть предание его суду и его осуждение. Надо добиться такого положения, когда привлечение к ответственности, предание суду и вынесение приговора будет рассматриваться всеми без исключения как позор, как справедливое и заслуженное наказание. Без мобилизации общественного мнения вокруг каждого процесса мы не добьемся необходимой эффективности каждого принятого судебного решения. А для этого необходимо прежде всего совершенно иное отношение к судебному процессу, чем то, которое, к сожалению, в ряде случаев у нас наблюдается»⁹⁸.

Сформулированная Вышинским новая идеология прокурорской и судебной деятельности в Советском государстве отличалась здравым смыслом и могла иметь плодотворные результаты. Но она столкнулась с действительностью, которая, к сожалению, всегда бессмысленно жестокая...

⁹⁸ Там же. С. 26–27.